

◆ Театральные замѣтки. Отставной профессор эстетики, Александръ Владиміровичъ Серебряковъ, приглашаетъ въ деревню, питая въ душѣ благое намѣреніе провести въ ней остатки дней своихъ. У профессора молодая красавица жена, Елена Андреевна, на которой онъ женатъ вторымъ бракомъ. Отъ перваго брака у Серебрякова есть дочь Соня, которой собственно и принадлежит имѣніе, гдѣ происходитъ дѣйствіе пьесы. Тутъ-же, въ деревнѣ, живутъ мать первой жены профессора, вдова тайнаго совѣтника, Марья Васильевна Войницкая, сынъ ея Иванъ Петровичъ мѣстный помѣщикъ, играющій въ домѣ роль проживальщика, Илья Ильичъ Телѣгинъ. Приглашаетъ въ деревню и мѣстный врачъ, товарищъ Ивана Петровича, Михаилъ Львовичъ Астровъ. Прибавимъ сюда старушку-няню Марину и работника, обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы по почтамъ обходить усадьбу съ трещеткой, — и комплектъ дѣйствующихъ лицъ пьесы будетъ полонъ. Завязка пьесы состоитъ въ томъ, что въ красавицу Елену Андреевну сперва влюбляется Иванъ Петровичъ, потомъ влюбляется Астровъ. Елена Андреевна, которой приходится быть сидѣлкой больного податчика мужа, скучаетъ и со скуки не прочь увлеченъ докторомъ, въ Ивану же Петровичу относится равнодушно. Въ доктора влюблена также и Соня, но Соня не красива, и докторъ предпочитаетъ ей красавицу профессорну, которой онъ рисуетъ обольстительныя перспективы любовныхъ наслажденій въ политической обстановкѣ со-бѣдливо льстиваго. Профессорна сначала колеблется, позволяеть влюбленному до-

ктору себя цѣловать, но въ рѣшительную минуту насуетъ и предпочитаетъ уѣхать изъ деревни съ мужемъ, въ котораго какъ-разъ истати къ этому времени дважды стрѣляетъ изъ пистолета (иначе, безъ всякихъ кро-вопролитныхъ послѣдствій) Иванъ Петровичъ, заставивъ профессорну и доктора на мѣстѣ преступленія, т. е. въ тотъ моментъ, какъ они цѣловались, но почему-то предпочитавшій сорвать свою горе и злобу на профессора, въ которомъ онъ тоже разочаровался, считая его великимъ ученымъ, перенесъ на работу въ деревнѣ, какъ полъ, лишь-бы доставлять профессору средства, которыми бы обезпечивали ему возможность безпрестанно предаваться своимъ научно-эстетическимъ трудамъ, а потомъ вдругъ увидѣлъ, что научный багажъ его кумира выдѣнного яйца не стоитъ, что онъ напрасно убилъ свои лучшие годы и дожилъ почти до старости (Ивану Петровичу по

времени дѣйствіи пьесы 47 лѣтъ), не исплативъ никакихъ утѣхъ въ жизни лично для себя. После этого профессоръ съ женой уѣзжаетъ, уѣзжаетъ и докторъ, а Иванъ Петровичъ съ Соней остается и опять принимается за свою работу, или будничной сферы которой ихъ на мгновенье вырвало появленіе на тускломъ горизонтѣ ихъ жизни, въ видѣ блестящаго метеора, красавицы профессорны, остаются съ изломанными душами, съ угасшими надеждами, воскреснуть которымъ, по крайней мѣрѣ для Ивана Петровича, уже не суждено.

Такой остовъ содержанія новой пьесы А. Чехова «Дядя Ваня», поставленной на сценѣ новаго солонцовскаго театра въ минувшій понедѣльникъ. Самъ авторъ не придаетъ своей пьесѣ ни одной изъ характеристикъ, употребительныхъ въ драматической терминологіи, а называлъ ее просто сценами деревенской жизни. Дѣйствительно, пьеса представляетъ собою рядъ отрывочныхъ сценъ, все значеніе которыхъ не въ общей ихъ связности, не въ единствѣ и обоснованности содержанія, а въ томъ, колоритѣ, который приданъ авторомъ своей пьесѣ. Колоритъ этотъ самаго безнадежнаго пессимистическаго характера. Тотъ уголокъ жизни, на фонѣ котораго разворачивается дѣйствіе пьесы, представляется какой-то юдолью безнадежной скорби, безпрощанной пустоты и отчаянья. Деревня, рисуемая Чеховымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего свѣтлаго, ничего оздоровляющаго. Это какое-то непроходимое болото житейской пошлости, засасывающее въ свою тьму всѣ лучшія стороны человѣческой природы и даже въ трудѣ не дающее ни надежды на восстановленіе душевнаго ранковѣсія. Самый тотъ «отдыхъ», «забвеніе», о которомъ говоритъ Соня Ивану Петровичу въ послѣдней сценѣ пьесы, не тотъ отдыхъ, не то забвеніе, которое восстанавливаетъ утомленныя силы, а нѣчто въ родѣ того вѣчнаго покоя, который напоминаетъ о могилѣ. Такимъ образомъ, «Дядя Ваня» Чехова не является драматическимъ произведеніемъ въ собственномъ смыслѣ, а продуктомъ въ высшей степени субъективнаго творчества, рисуетъ не ту жизнь, которая есть на самомъ дѣлѣ, а выражаетъ только настроеніе автора, съ которымъ онъ смотритъ на жизнь. Это настроеніе выражено Чеховымъ сильно и талантливо; оно производитъ на зрителей достаточно глубокое впечатлѣніе, но не овладѣваетъ ими, не заставляетъ ихъ подчиниться автору, согласиться съ нимъ, что жизнь дѣйствительно такова, какою ее рисуетъ авторъ. Происходитъ это оттого, что подавленный непосредственно своему господствующему настроенію, Чеховъ не позаботился (а мо-

жесть быть, и не могъ) выразить это настроеніе въ реальной, цѣльной и внутренне обоснованной оболочкѣ. Отсюда происходитъ хаотичность конструкція пьесы, неожиданность и цемотивированность многихъ сценъ, небрежность обрисовки характеровъ. Чеховъ не заботится о томъ, чтобы дѣйствіе развивалось стройно и логично: онъ беретъ только тѣ черты, тѣ штрихи, которые соответствуютъ его господствующему мировоззрѣнію, группируетъ ихъ безъ всякой связи, беспорядочно; но изъ этой нестройной груды сценъ, фактовъ и отдѣльныхъ фразъ вырастаетъ извѣстное настроеніе, понятное зрителю, хоть, можетъ быть, и нераздѣляемое имъ, а Чехову именно только такого настроенія и хочется добиться. Если вы захотите узнать, почему дѣйствіе пьесы развивается такъ, а не иначе, почему оно приводитъ именно къ такой развязкѣ, какую даетъ авторъ, а не къ другой, въ самой пьесѣ отвѣтовъ на эти вопросы вы не найдете. Персонажи пьесы вышли изъ лаборатории авторскаго творчества въ готовомъ видѣ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, приходится принять на вѣру характеристику, данную имъ авторомъ, потому что нѣтъ никакой возможности проверить автора по поступкамъ героевъ его пьесы. Въ чемъ выражается обаяніе профессора, заставляющее всѣхъ окружающихъ его жертвовать собою для его удобства; гдѣ источникъ разочарованія, вставившаго «дядю Ваню» покушаться на убійство своего недавняго кумира; въ чемъ тайна страсти, внушаемой Еленой Андреевной «дядѣ Ванѣ» и доктору; какого сорта эта страсть: какъ произошла, наконецъ, процессъ засасыванія и доктора и Ивана Петровича въ болотную тину пошлой провинціальной жизни; въ чемъ выражается превосходство доктора надъ окружающими, о которомъ твердятъ и Соня, и Елена Андреевна (нельзя же такимъ признакомъ считать страсть доктора къ дѣсопасажденіямъ), все это такъ и остается необъяснимымъ.

На сц. 7-мъ. Соловьевъ

Разыгрывается пьеса Чехова соловновской труппой въ общемъ хорошо и старательно. Распространяться о каждомъ изъ исполнителей въ отдѣльности нѣтъ надобности, скажу лишь, что главные роли поручены гг. Рошину-Нисарову и Недѣлину и г-жамъ Паскаловой и Немировичъ. Отмѣчу только то обстоятельство, что чеховская пьеса держитъ исполнителей въ положительномъ рабствѣ въ такой степени, какая неприложима ни къ какой другой пьесѣ. Никому изъ нихъ не удастся ни на секунду освободиться отъ этого вліянія. Отъ этого, можетъ быть, и произошло, что всѣ достоинства и всѣ недостатки пьесы особенно ярко и выпукло выступали въ исполненіи соловновской труппы въ описанный вечеръ.

Поставленный въ заключеніе чеховскій же водевиль «Предложеніе» (пьеса титулуется комедіей, но я ее называю водевилемъ, потому что ее гиперболическій сюжетъ ближе подходитъ къ водевильному роду) былъ бодро разыгранъ г-жей Кручининой и гг. Леонидовымъ и Крамскимъ.

Н. Смаковскій